

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации

город Санкт-Петербург

2 июля 2009 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей Н.С.Бондаря, Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, Г.А.Жилина, С.М.Казанцева, М.И.Клеандрова, С.Д.Князева, А.Л.Кононова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова, Н.В.Селезнева, А.Я.Сливы, В.Г.Стрекозова, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева, заслушав в пленарном заседании заключение судьи Н.В.Мельникова, проводившего на основании статьи 41 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предварительное изучение жалобы гражданина М.Б.Ходорковского,

у с т а н о в и л:

1. В жалобе гражданина М.Б.Ходорковского оспаривается конституционность статьи 160 УК Российской Федерации, устанавливающей уголовную ответственность за совершение хищения чужого имущества, вверенного виновному, путем присвоения или растраты, а также примечания 1 к статье 158 УК Российской Федерации, согласно которому под хищением понимается совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других

лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Как следует из представленных материалов, постановлением от 30 июня 2008 года М.Б.Ходорковский был привлечен в качестве обвиняемого в совершении ряда преступлений, в том числе предусмотренных пунктами «а», «б» части третьей статьи 160 УК Российской Федерации (в первоначальной редакции) и части четвертой той же статьи (в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ), выразившихся в хищении принадлежащих государству акций ОАО «Восточная нефтяная компания» путем их присвоения в результате совершения сделок мены, заключенных между ОАО «Восточная нефтяная компания» и подконтрольными заявителю иностранными компаниями, а также в хищении нефти у ряда нефтедобывающих компаний путем ее приобретения по искусственно заниженной цене, что привело к причинению этим компаниям и государству крупного ущерба.

По мнению заявителя, названные законоположения позволяют правоприменителю придавать содержащемуся в них термину «безвозмездность» такой смысл, при котором становится возможным привлечение к уголовной ответственности за отчуждение имущества, совершенное путем заключения возмездных гражданско-правовых сделок, чем нарушаются статьи 2, 8 (часть 1), 17 (часть 1), 18, 19 (часть 2), 34 (часть 1), 35 (часть 2), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

2. Согласно Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина (в том числе, соответственно, права частной собственности) составляют обязанность государства (статья 2); при этом в Российской Федерации равным образом признаются и защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (статья 8, часть 2); каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 34, часть

1); право частной собственности охраняется законом, каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (статья 35, части 1–3).

В развитие данных конституционных положений федеральный законодатель, реализуя предоставленные ему Конституцией Российской Федерации (статья 71, пункты «в», «о») дискреционные полномочия в сфере регулирования права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом, установил – исходя из конституционно признаваемых целей, включая защиту прав и законных интересов других лиц, и вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливости, разумности и соразмерности (пропорциональности) – способы охраны собственности, в том числе от преступных посягательств, и закрепил в Уголовном кодексе Российской Федерации составы преступлений, объектом уголовно-правовой охраны от которых выступает собственность.

На достижение названных целей направлена и оспариваемая в жалобе М.Б.Ходорковского статья 160 УК Российской Федерации, предусматривающая уголовную ответственность за присвоение или растрату – хищение чужого имущества, вверенного виновному, т.е. за совершение с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия или обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившего ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества (примечание 1 к статье 158 УК Российской Федерации).

По смыслу приведенных законоположений, ответственность вводится лишь за такое деяние, которое совершается с умыслом и направлено на хищение имущества. При этом, вопреки утверждению заявителя, не предполагается возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершающих правомерные гражданско-правовые сделки: из статьи 8 УК Российской Федерации, согласно которой основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки

состава преступления, предусмотренного данным Кодексом, следует, что при квалификации деяния, в том числе при квалификации тех или иных действий в соответствии со статьей 160 УК Российской Федерации, необходимо установление как субъективных, так и объективных признаков состава данного преступления.

Таким образом, оспариваемые в жалобе законоположения сами по себе конституционные права заявителя не нарушают. Установление же того, подпадают ли его действия, связанные с заключением гражданско-правовых сделок, под признаки преступления, предусмотренного статьей 160 УК Российской Федерации, относится к ведению органов предварительного расследования, прокурора и суда. Кроме того, доводы, представленные заявителем в обоснование своей позиции, свидетельствуют о том, что он выражает несогласие с использованием стороной обвинения при квалификации его действий признака безвозмездности, понимаемого правоприменителем как предоставление взамен имущества, отчуждаемого путем совершения гражданско-правовой сделки, неэквивалентного (менее ценного) имущества. Между тем проверка законности и обоснованности правоприменительных решений связана с установлением фактических обстоятельств дела, она должна осуществляться в процессе уголовного судопроизводства и в компетенцию Конституционного Суда Российской Федерации, определенную статьей 125 Конституции Российской Федерации и статьей 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», также не входит.

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича, поскольку она не отвечает требованиям

Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации

В.Д.Зорькин

№ 1037-О-О

**ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЬИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ А.Л. КОНОНОВА**

По определению от 2 июля 2009 года об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ходорковского Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 160 и примечаниями к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Выражаю свое несогласие с решением Конституционного Суда Российской Федерации об отказе в принятии к рассмотрению жалобы М.Б. Ходорковского.

Конституционный Суд необоснованно упрекает заявителя в том, что он "фактически выражает несогласие" с квалификацией его действий стороной обвинения, однако это не только право заявителя, но, более того - необходимое и законное основание для обращения в Конституционный Суд.

Подменяя смысл и содержание самого обращения, Конституционный Суд сводит его лишь к проверке законности и обоснованности правоприменительных решений, между тем заявитель вовсе не ставит вопрос об оценке фактических обстоятельств своего дела, а просит проверить на соответствие Конституции Российской Федерации конкретные положения

закона, примененные в его уголовном деле. При этом позиция заявителя в отказном определении изложена неточно, неполно и примитивно, а его аргументы даже в таком виде не опровергнуты и оставлены без внимания или отрицаются без всяких оснований.

Никто, включая и заявителя, не подвергает сомнению конституционные полномочия законодателя устанавливать уголовно-правовые запреты и определять признаки преступления. Из этого, однако, не вытекает утверждение, что с оспариваемыми нормами все ясно и их применение адекватно. Никто не оспаривает право федерального законодателя регулировать и защищать, в том числе и в уголовном порядке, право собственности. Отсюда, однако, не следует, что гражданско-правовое регулирование имущественных отношений, и в частности сделок, не играет никакой роли при квалификации уголовных деяний, если в основе их оценки лежит хозяйственная деятельность субъекта.

Некритическое цитирование оспариваемых норм также ничего не проясняет само по себе. Конституционный Суд вообще отказался от анализа этих норм с точки зрения их ясности и определенности, то есть от собственной позиции, которую он сформулировал и выражал во многих других делах. Очевидно, что подтверждает и практика Европейского Суда по правам человека, уголовный закон должен быть сформулирован с достаточной точностью, чтобы те, к кому он адресован, могли ясно представлять конкретные запреты и последствия, которые могут повлечь те или иные действия. Закон также должен устанавливать объективные пределы усмотрения компетентных властей от произвольного вмешательства в права и свободы.

Между тем оспариваемые положения в их понимании и применении на практике не соответствуют вышеуказанным критериям. В результате явно недостаточной определенности терминологии уголовного закона понятие безвозмездности как сущностного признака хищения в форме присвоения или растраты в правоприменительной практике толкуется вопреки его очевидному смыслу. Заявитель вполне обоснованно ссылается здесь на

буквальные смыслы, объясняющие это понятие в русском языке, гражданском (статья 423 ГК Российской Федерации) и уголовном (статья 104.1 УК Российской Федерации) праве как изъятие имущества без платы или иного возмещения. В уголовной правоприменительной практике этому понятию было дано явно расширительное толкование, включающее не только собственно безвозмездное изъятие, но и случаи предоставления в возмещение менее ценного имущества, что противоречит буквальному понятию безвозмездности.

Однако, во-первых, общие принципы права категорически запрещают расширительное толкование уголовно-правовых норм. Во-вторых, такое толкование придало норме еще меньшую определенность, поскольку включает многие другие не вполне ясные для квалификации деяния понятия: неэквивалентность или неравнозначность обмена, занижение (договорной, рыночной, мировой) цены, фактическая стоимость имущества, неравноценность возмещения и даже невыгодность сделки.

Такое толкование в настоящее время опирается на судебную практику Верховного Суда Российской Федерации, выраженную им в Постановлении Пленума от 27 декабря 2007 года, N 51, которое не критично было воспринято как аргумент Конституционным Судом Российской Федерации, хотя именно это толкование оспаривается заявителем с точки зрения его конституционности. Следует отметить, что эта позиция восходит еще к судебной практике советского времени и иным правовым условиям применения уголовного закона, когда речь шла об особой защите государственной собственности, о преимущественно плановом регулировании хозяйственных сделок, о полном отсутствии свободы договора и практически исключительно государственном установлении ценообразования.

Сегодня возникла новая конституционная и хозяйственная реальность, в которой старые уголовно-правовые запреты и доктринальные представления в определенной части остаются анахронизмом и, возможно, должны быть переосмыслены, поскольку они потеряли прежнюю

определенность. Так, такой признак хищения, как противоправность, вполне может вызвать сомнения, если сделка по передаче имущества с точки зрения гражданского права не оспорена и признается действительной. Осуждаемая прежде корыстная цель может поменять коннотацию, поскольку получение прибыли является обязательным признаком хозяйственной деятельности. Признание факта причинения ущерба вряд ли будет убедительным без проявления воли и согласия вменяемого собственника.

Понятия "эквивалентность/неэквивалентность" возмещения, опирающиеся на понятие цены сделки, в настоящее время в условиях свободы договора и договорных цен не имеют объективного содержания. С точки зрения гражданского права нет никаких законных требований к участникам гражданского оборота о соответствии цен каким-либо критериям. Неэквивалентность обмена никак не порочит сделку. Как правило, в рыночных условиях, по мнению специалистов, покупная и действительная стоимость имущества объективно не могут быть эквивалентны. О том, что рыночные цены - вполне условное понятие, свидетельствует определение, приведенное в статье 3 Федерального закона "Об оценочной деятельности в Российской Федерации", где для исчисления рыночной стоимости объекта использовано по меньшей мере восемь вероятностных и изменчивых факторов.

Таким образом, оспариваемые нормы уголовного закона в силу своей неопределенности создают реальную опасность их произвольного применения, а жалоба заявителя имеет все основания для принятия и рассмотрения по существу Конституционным Судом Российской Федерации.